

Глубоко скорбим о гибели русского барона княжества Лихтенштейн.

17 ноября на 107 году жизни погиб в пожаре у себя дома в столичном княжеском городке Вадуц выдающийся общественный деятель Эдуард Александрович Фальц-Фейн.

Этот очерк, составленный из разных, ранее опубликованных и совсем свежих материалов, я подготовила к 106 дню рождения в сентябре нашего народного барона, но опубликовать не сложилось... «Вмешалось» сербское кино... У Господа все живы – жив и неутомимый меценат русской культуры из крошечного княжества в заснеженных Альпах.

*Вечная память и Царство Небесное рабу Божию Олегу, дорогому Эдуарду Александровичу!
Со Святыми упокой, Христе, душу раба Твоего!*

Киевский хлеб в Швейцарии

Собираясь 13 лет назад в очередную апрельскую командировку на кинофестиваль документальных фильмов в Швейцарию, как обычно это случается у русских, вместо того, чтобы тихо «в интернете посмотреть», решила о погоде спросить... Через несколько минут у меня дома в Киеве раздался телефонный звонок. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский из Лондона дал княжеский совет: «В Швейцарии выпал снег. Навестить барона Фальц-Фейна в княжестве Лихтенштейн – Ваш долг!» На вопрос как попасть в это княжество, услышала: «Как если бы Вы ехали в Бурятию в России! Записывайте телефон Барона.»

Прежде чем убедиться, что жизнь в крохотном государстве в швейцарско-австрийских Альпах, управляемом Лихтенштейнским князем, как и полагается, строго регламентирована, просмотрела биографию барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна. Родился в деревне Гавриловка, Таврической губернии Российской империи (ныне Херсонская область, Украина) в 1912 году. Потомок основателя заповедника «Аскания-Нова». Тогда мне предстояла встреча с русским аристократом – чемпионом, и не только геронтологии. В эти первые 40 дней мы скорбим, но понимаем, что Эдуард Александрович уже перевернул главную страницу своей личной истории и сейчас он в пути – предстоит встреча со своим Творцом.

А тогда, бодрым голосом, свидетельствующим о безупречном здоровье и силе духа, барон прозвонил по телефону в 9 часов утра, ответив на мой звонок: «У Вас хорошая рекомендация. Я сумею предупредить князя Лихтенштейна о Вашем визите. Привезите украинский хлеб». Княжеское покровительство ощущалось на каждом шагу: в то время, как неутомимые швейцарские таможенники, выполняя закон о запрете на ввоз в страну сельскохозяйственных продуктов, извлекали из авосек украинских туристов сало и иные деликатесы – мой хлеб «из Киева» пользовался исключительным правом неприкосновенности по личному распоряжению князя Ханса-Адама Второго, ходатайством барона...

Правитель Лихтенштейна князь Ханс-Адам Второй на праздновании 100-летия Эдуарда Александровича, Вадуц, 14 сентября 2012 года

В одной из редких книг семейного архива барона об истории заповедника Аскания-Нова есть такие строки: «Йохаин Фейн в лютые крещенские морозы среди первых немецких колонистов прибыл в Россию, в Петербург. В далёкой Германии пастор записал в церковной книге: *Й. Фейн. Родился в 1743. Конфирмация в 1754. Пропал без вести в 1763.* Когда первая партия мериносовых овец отправлялась в Новороссию, в Ангальт-Кетенском княжестве отмечали это событие, как национальный праздник, провожали колонистов с музыкой и цветами. Был 1828 год. Овец гнали погонщики. Два месяца шли к Брест-Литовску, затем ещё два в Херсонские степи. Название новому селению придумали непривычное для русского уха, по имени графов Асканийских, чей титул носили Ангальтские герцоги с 1330 года: Аскания-Нова. А через какое-то время к фамилии Фейн прибавилась половинка Пфальц: Элизабет Фейн вышла замуж за Йоханна Фальца. Двойную фамилию Фальц-Фейн закрепили законом при царе Александре Втором во время Крымской войны...»

Родители Эдуарда Александровича встретились за границей. Русская аристократия зимой съезжалась на Cote d'Azur, где жизнь была дешевле, чем в России. Александр Фальц-Фейн состоял в разводе с женой, жил уже один 5 лет. На Английской набережной в Ницце он встретил

двух необыкновенных дам, чрезвычайно похожих друг на друга. Только одна была молода и прекрасна, а другая величественна и строга. К вечеру он уже знал, что это Вера и Вера Карловна, дочь и мать Епанчины. Через две недели после знакомства Александр Эдуардович сделал Верочке предложение. Венчание состоялось в Исидоровской церкви села Дудчино в 1910 году, а через два года 14 сентября родился Эди! «Я родился в «райском саду», в зоопарке в прославленной на весь мир «Аскании-Нова», – с этой фразы барон Эдуард фон Фальц-Фейн обычно начинал рассказывать свою биографию.

Дядя Федя – Фридрих Эдуардович был учёным-зоологом. Он организовал экспедиции в Африку, в пустыню Гоби, в Южную Америку, где доставал уникальных животных, акклиматизировал их и спасал от вымирания. Родная Гавриловка, где был выстроен дворец, официально называлась Фальц-Фейново.

Уезжал из России Эдуард Александрович в пятилетнем возрасте, прежде чем он стал что-нибудь понимать. Из России Фальц-Фейны «выскачили» в одних рубашках, единственные ценности, какие им удалось с собой захватить – это семейные альбомы. Барону повезло, что мама всё хранила, не выбрасывала даже вырезки из газет. Эдуард Александрович считает, что от мамы он получил этот «бзик» по наследству и сам всю жизнь разыскивал повсюду всё, что имеет отношение к его семье и царской России. В папках его архива собрано всё о приезде Николая Второго в Асканию-Нова, и о том, как императору помешала Первая мировая война пожаловать Фальц-Фейнам потомственное дворянство. Ради посещения Аскании царь тогда нарушил протокол. Но грянула Первая мировая война и последовал закон «О ликвидации немецкого засиления», ставший охранной грамотой для разбойников и воров, получавших удовольствие от грабежа самой трудолюбивой части населения.

Переворот 1917 и переход в православие

Переворот 1917 года застал семью Эди, Эдуарда Александровича, в Петербурге. Три общие тетради архива барона – мемуары его мамы. Она, как и все беженцы, долго верила, что их семья вернётся в Россию. Барон передал дневники Веры Епанчиной в архив в Москве. Фальц-Фейны не желали покидать Россию, рвались в свою Гавриловку, но от гибели там, их спасло чудо: мама Эди

Памятник основателю заповедника Аскания-Нова Фридриху Фальц-Фейну (автор фото: Мария Титенич, Львов)

заболела корью и они вынуждены были остаться в Петербурге. Захватив старые семейные альбомы, семья Фальц-Фейнов бежала в Финляндию, в Нейшлот, а оттуда в Германию, там они устроились в маленьком пансионе в Берлине, где уже было много русских.

В ноябре 1918 года в Германии разразилась революция, Вильгельм Второй бежал в Голландию. Вскоре Фальц-Фейны в Берлине узнали, что 84-летнюю Софью Богдановну, бабушку Эди, расстреляли из пулемёта в порту Хорлы близ Гавриловки ... Это известие сразило отца Эди, сердце его не выдержало, и он скоропостижно скончался. Похоронен в Берлине.

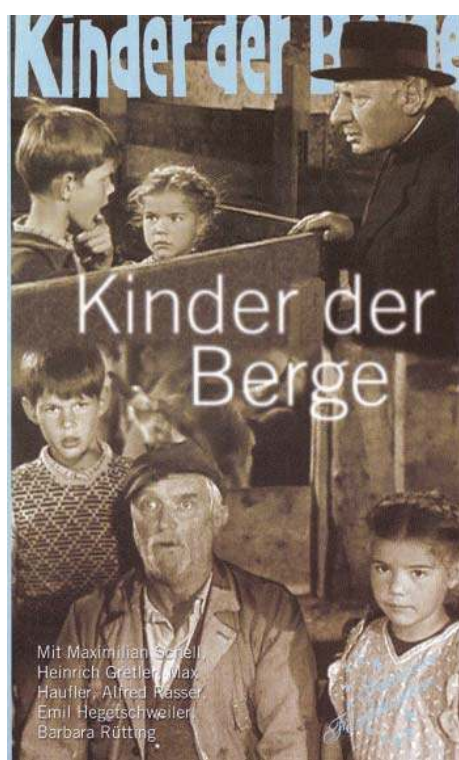
Мама осталась одна с двумя детьми. Она часто брала Эди вместе с сестрой с собой в церковь. Увидев величественность русского храма в Ницце, на строительство которого отец Эди пожертвовал большую сумму, и, услышав чудное хоровое пение, мальчик испытал потрясение, настолько ему там понравилось. И сказал маме: «Я хочу ходить в твою церковь. В моей – всё так сухо». И они с сестрой крестились в Православии. Эди с именем Олег в память святого благоверного князя Олега Брянского. Мама была счастлива, их это очень сблизило.

Эдуарду Александровичу пришлось со временем «кормить» семью: маму и сестру. В 1932 г. Эдуард Фальц-Фейн выиграл велогонки среди студентов и стал чемпионом Парижа. Ведь в детстве, когда в Ницце у них дома играл Сергей Рахманинов и пел Шаляпин, Эди убегал кататься на велосипеде. Однажды он пришел в редакцию, поместившую его огромное чемпионское фото. С тех пор Эдуард Фальц-Фейн стал генеральным корреспондентом в Германии самой популярной спортивной газеты в Европе...

Нансенский паспорт русского эмигранта

Русская эмиграция в Париже – это очень печальная страница. Княжна Надежда Щербатова работала моделью у Коко Шанель, генералы становились таксистами, а их жены посудомойками в ресторанах. Бедствовали генералы Деникин, Врангель, писатель Бунин, художники Бенуа, Коровин. Выражение «русский эмигрант» было унижительным, так как оно означало, что у человека ничего нет. Нет родины, нет своего языка. А есть нансенский паспорт, дешёвая квартира, убогое существование в пределах русской колонии, а вместо будущего – старческий дом в Ментоне или где-нибудь ещё. Сотни тысяч эмигрантов поселились во Франции, а их сюда никто не звал. У мамы Эдуарда Александровича до конца дней был нансенский паспорт, она, как и многие русские не могла отказаться от российского гражданства: стыдно будет возвращаться в Россию. Но она же сделала всё возможное, чтобы её сын избавился от статуса русского эмигранта, так как это лишило бы его будущего. Вере Николаевне удалось к моменту учёбы сына в Париже получить от правящего монарха Лихтенштейна Франца I подтверждение, что он готов дать её сыну гражданство в своём княжестве.

А тем временем в 1934 году в Берлин приехал парижский репортёр, с немецкой фамилией, говорящий по-французски без акцента, одетый и причёсанный, как английский денди. Кто мог подумать, что это русский?.. К этому времени нацистская партия победила на выборах в Германии. Интересно, что следом, по числу голосов, шли коммунисты. Эдуард Александрович рассказал, что после пивного путча 1923 года в Мюнхене, Хитлера осудили на пять лет тюрьмы. Вышел он на свободу досрочно, спустя два года. «Немцы несли цветы к карцеру, где сидел Хитлер, забыв, что он был осуждён за то, что вооружённым путём хотел сбросить законную власть. Сегодня Хитлер развенчан. Но чем лучше Наполеон, которому он подражал? Оба пролили море крови. А о нём в музеях рассказывают... Это же свинство! Скажи об этом французу – он тебя убьёт,» – был убеждён

Плакат к единственному художественному фильму Лихтенштейна «Дети горы», продюсером которого был Эдуард Александрович Фальц-Фейн

*Эдуард Александрович
с дочерью Людмилой*

Эдуард Александрович. Хитлеру немцы поверили потому, что он в хаосе переворота навёл порядок, прекратил безработицу и сделал стабильной немецкую марку. “Но какой он был дурак, что объявил войну России! Я был тогда в ужасе. Русские и немцы должны были идти вместе,” – считал Эдуард Александрович.

Переход Суворова через Альпы

Эдуард Александрович стал подданным княжества Лихтенштейн при следующих обстоятельствах. В самом маленьком городке Европы Руггеле княжества Лихтенштейн 13 декабря 1936 года решался большой вопрос. Совет общины голосовал: принять ли в качестве нового гражданина Эдуарда Фальц-Фейна, бывшего подданного Российской империи? Сто один голос «за», шесть «против». Условие, поставленное перед бывшим русским, было следующее: местные коровы на своём пути к дому с альпийских пастбищ не имеют водопою, и было бы замечательно устроить для них хорошую поилку. Так сын русской дворянки стал гражданином Лихтенштейна и... получил от правящего князя титул барона.

В России многие дворяне – Епанчины, Нарышкины, Чернышёвы, – не имели титулов. В Лихтенштейне свои правила: дворянин непременно должен носить титул. После войны в княжестве было два аристократа – граф Андраши и барон. А теперь нет ни одного среди 32 тысяч подданных. Если Вы что-то услышите о «короле сувениров» – это о нём... Когда он поселился в Лихтенштейне, безработица была там настоящим бедствием. О бедной крестьянской стране, затерявшейся среди гор, никто даже не слышал.

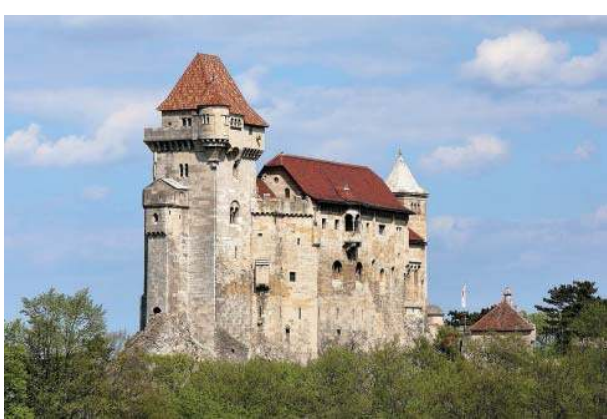
Кто мог подумать, что там появятся туристы из Голливуда, на уик-энд инкогнито с большой свитой приедет король Египта Фарук, а в горах будут кататься на лыжах члены королевской семьи Великобритании. Барон решил: война кончилась, и люди захотят свободно путешествовать. Туризм – вот чем надо заниматься. Он стал всем рассказывать... о знаменитом переходе Суворова через Альпы! Стал заниматься самым сложным делом на свете, один начал свой бизнес на пустом месте на свой страх и риск – «public relations». Разъезжал по разным странам, знакомился с туристическими агентствами и всем рассказывал, какой Лихтенштейн райский уголок. Вадуц, в котором всего 5 тысяч жителей, и его потому нет даже на картах Европы, стал большим туристическим центром мирового класса. И здесь не знают что такое пробки. Лихтенштейн ещё называют налоговым раем. В здешних банках иностранцы прячут свои громадные состояния. Но сами лихтенштейнцы люди законопослушные. Царство благополучия. Никаких войн. Никаких жуликов и преступников. Тюрьма пуста. Летом барон ездил в открытом автомобиле, и не было случая, чтобы у него что-нибудь украли. Что является предметом его гордости? Барон оплачивает все счета в тот же день, как они к нему приходят. Это принцип его жизни. В православии задержка оплаты наёмного труда является грехом. Первым подаёт декларацию о доходах, считает это долгом чести. «Но такие налоги, как в России я бы никогда не платил! У меня что, не все дома? Отдай всё, что заработал. Я мечтал открыть сувенирный магазин на Красной площади и продавать открытки и платки с Василием Блаженным. Но ваши налоги – это абсурд. Зачем тогда работать?» – удивлялся Эдуард Александрович. А ведь он определил стратегию развития княжества на полвека вперед!

Достойный отец и создатель фильма

Удивительно, но барон один воспитал дочь! Людмиле был один день от роду, когда она впервые появилась на страницах английской прессы. В четыре года она стала героиней книги «Людмила» американского писателя Пола Голлико, сочинившего эту сказку на Рождество для Людмилы и увезшего от барона его жену. В книге рассказывается об очень маленькой корове с большими амбициями, которая мечтала стать чемпионкой по надоям молока и идти впереди стада во время церемонии спуска с Альп с самым большим на свете колоколом на шее. У неё не было никаких шансов на успех. Но великий дух гор и вера маленькой девочки, соединившись вместе, сотворили чудо. Потом из этой сказки родился художественный фильм, где барон участвовал как продюсер. Это единствен-

Эдуард Александрович Фальц-Фейн у окна

На фото: Замок князя Лихтенштейна

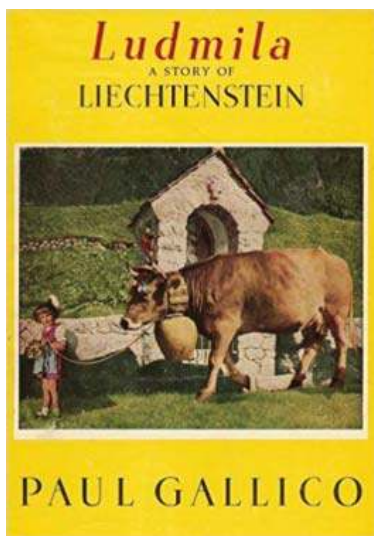
Приём в шатре по случаю 100-летия Эдуарда Александровича. В 1-м ряду (крайний справа) – протоиерей Иоанн, представлявший на юбилее УПЦ, рядом с ним (чуть влево, без скуфы) – настоятель Воскресенского храма в Цюрихе отец Михаил Земан – посланец от Патриарха Кирилла.

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский, С.В. Михалков и барон Э.А. Фальц-Фейн. Москва. 1995 г., фотограф Юрий Барыкин подарил снимок князю Н.Д. Лобанову-Ростовскому 20 лет спустя в Москве, а князь обрамил и привёз в день рождения барону в 2015 г.

Райский уголок – Лихтенштейн

Книга «Людмила» о дружбе коровы и девочки

В заповеднике «Аскания-Нова», Херсонская область, Украина (автор фото: Мария Титенич)

ный художественный фильм Лихтенштейна. Конец фильма очень жалостливый: все плачут, как на индийских фильмах, потому что маленькая корова, добившись всего, чего хотела, погибает. Фильм без «хэппи энда» провалился в США. Барон потерял большие деньги и навсегда распрощался с кинобизнесом. Но со временем в Европе картиной заинтересовались. Совершенно неожиданно фильм о дружбе коровы и девочки получил успех в 90-х годах.

Похоже, Людмилу отъезд мамы не омрачил! Наверное, это был редкий, уникальный случай, когда развод оказался полезным для ребёнка, в том смысле, что она ничего не потеряла, но приобрела ещё одного папу, в лице отчима. Людмила до 16 лет жила вместе с отцом, но на праздники и каникулы ездила к матери с отчимом, который обожал детей. Счастье Людмилы заключалось и в том, что трое взрослых не ревновали друг ко другу, позволяя каждому осыпать ребёнка ласками и заботой к её пользе и радости. Барон не кричал на Людмилу из-за разбитой чашки или порванной одежды. Не припоминает Эдуард Александрович ни одного случая, чтобы он на неё рассердился. А в 16 лет отправил её к матери, так как Людмиле надо было готовиться к взрослой жизни, отец уже ничему не мог её научить. Дочь увлекалась балетом, и в 20 лет стала прима-балериной лондонского театра «Palladium» – выступала под псевдонимом Людмила Нова. Звёздная карьера, а вместе с тем и лондонская жизнь дочери закончилась самым неожиданным образом. Она влюбилась. И так, что бросила театр и все свои честолюбивые мечты... В один прекрасный день она привезла к барону Кииса Веркаде, скульптора голландца. Эдуард Александрович, конечно, был в ужасе, когда узнал, что он был женат и имеет двоих детей. Но такой пары он не встречал, живут, как два голубка. У них дочь Казмира. Главные события жизни Людмилы: у мужа новый заказ или выставка.

“В греческой церкви женились, как кролики”

Вторую жену барон получил вместе с новым домом. Приобрёл кусок земли на горе, рядом с замком князя. Построил дом по своему проекту и назвал виллу именем их зоопарка в Новороссии «Аскания Нова». Но дом был пуст. Тогда архитектор, помогавший ему с домом, познакомил со своей племянницей. «Я её увидел и сразу влюбился. Кристина Шварц, словно сошедшая прямо с обложки модного журнала. Манекенщица. Венчались мы в Мюнхене в русской православной церкви. Обошлось не без анекдота! В Мюнхене русская церковь рядом с греческой, в которой женились, как кролики, через каждые 10 минут. Все наши гости пошли туда. Заранее украсили «чужую» церковь цветами. Мы с Кристиной стояли одни и думали, что никто не приехал на нашу свадьбу. А наши гости, справив три свадьбы, поняли, что-то тут не так. И всей толпой бросились в соседнюю церковь... Архиепископ Александр, венчавший нас, крестил Кристину в Православии», – рассказывал Эдуард Александрович. Но не помнит, с какого момента начались их семейные недоразумения. Пропадал он в своих двух магазинах. Приходил домой к ужину, а ужина нет. Кристина валяется в постели прямо в шикарном платье и в жемчугах. Он её расспрашивал, а она не отвечала на вопрос, а рассказывала какую-то чепуху. Он только тогда понял в чём дело, когда заглянул под кровать и увидел наркотики. Она давно их употребляла, а её дядя-архитектор знал об этом, но не предупредил. Барон всё бросил, нашёл врачей, ему сказали, что надо поместить её в клинику. Но Кристина удрала от врачей, поселилась в квартире, где собирались наркоманы. Однажды ему позвонили из полиции: «Если хотите увидеть жену живой, приезжайте немедленно». Живой он её не увидел. Стал вдовцом в 1980 году. И решил, что больше его никто не поймаёт. Хотя, тогда подумал, что Бог любит троицу. Но разочаровываться барону больше не хотелось...

Лихтенштейнская «Аскания-Нова»

Тогда, 13 лет назад, я летела в Швейцарию «наобум» и знала о старой русской эмиграции только из книги «Право на Прошлое» князя Алексея Павловича Щербатова. Но к тому времени создала уже два документальных фильма о судьбе князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского и его театральной коллекции, показанной на выставке в Японии... Автомобиль радушно ожидал меня рядом с новейшим зданием аэропорта в Цюрихе. Русский водитель – крымчанин из авиалиний – в дороге комментировал: «Это барон, в прошлом чемпион автогонщик, пользуется привилегией разогнаться

до 200 км. Если это сделаю я – завтра в моём почтовом ящике обнаружу квитанцию об уплате штрафа. Камеры, фиксирующие нарушения, расставлены на каждом километре...» Через часок-другой быстрой по-гоголевски езды – «и какой русский не любит быстрой езды» – у дороги трепетали сине-бордовые с княжеской короной флаги. А на живописной скале неподалёку красовался средневековый замок. Мы въехали в столичный град Вадуц с виду напоминающий живописную горную деревушку в 5 тысяч жителей...

Крохотное, словно из другого времени княжество, состоит из 11 общин. А русская община состояла из одного человека... нашего русского «украинца» Эдуарда Александровича Фальц-Фейна. Вилла барона – первая у княжеского замка – носит то самое непривычное для русского уха название «Аскания Нова!» «Цветы – мои любимые нарциссы – высаживаю сам, обрамляя владения», – пояснял мне Эдуард Александрович, сидя у огромного, во всю стену окна.

Лихтенштейнская «Аскания Нова» – это скорее не жилой дом, а русский Центр! Семейные портреты, исторические скульптуры, картины русских художников, библиотека и её жемчужина – изданная бароном о знаменитом переходе Суворова через Альпы книга на трёх языках: русском, немецком и французском – на тумбочке у кровати в гостевой комнате. «Суворов, когда писал свой знаменитый труд «Искусство побеждать» – пел в церковном хоре!» – сообщает, улыбаясь барон, глубоко православный человек, чьи предки-лютеране прибыли служить России при Екатерине Второй.

Барон воссоздал маршрут движения Русской армии под командованием Суворова: «Эта труднопроходимая тропа доступна лишь в летнее время. Каждый русский старался преодолеть её под моим предводительством!» – указывал Эдуард Александрович в окно на покрытые весенним снегом Альпы. «Но сейчас ножки стали подводить меня», – то и дело сетовал барон и тут же прибавлял – «зато память отличная: помню всё до мельчайших подробностей. Всю свою жизнь!»

Вскоре я убедилась в том, что кроме барона в Лихтенштейне русских не было: когда закончился борщ, отменно приготовленный Эдуардом Александровичем, немка, живущая по соседству, принесла суп. «Не могу же я Вам, моей гостье, позволить готовить!» – категорически изрёк барон – «посуду помыть не возбраняется. Все, кто у меня бывает, так поступают». И прибавил, что законы в Швейцарии довольно строгие, а русские туристы и своих законов не знают, потому всегда что-то нарушают. «Полиция всякий раз звонит мне, вот и приходится выручать наших... Впервые я попал в свою родную Гавриловку в возрасте 67 лет. С тех пор пытаюсь помогать животным в асканийском заповеднике. Бывали времена, когда зверей нечем было кормить»...

А ещё Эдуард Александрович отправил меня на прогулку по своему саду, стремительно поднимающемуся в гору: «Там Вы увидите могильную плиту моего дяди Владимира Фальц-Фейна – автора книги об основании Асканийского заповедника, переизданной не так давно в Киеве. Когда закончилась концессия на захоронение, я не стал её продлевать, а перевёз прах с кладбища к себе в надежде, что смогу сопроводить на родину в Таврию...». Тогда я сделала снимок надгробия, но, в силу печальных обстоятельств, он не сохранился.

Прижизненный памятник врагу народа

В Екатерининском дворце в Царском Селе установлен бюст Эдуарда Александровича! «Это чересчур... Русские – сумасшедшие люди. То я был враг народа, а теперь при жизни памятники мне устанавливают в царском дворце. Мне неловко... Я просто помог поставить точку в поисках Янтарной комнаты – во избежание взаимных претензий России и Германии мы создали новую Янтарную комнату. И мне выразили горячее чувство благодарности во всю мощь широкой природы»... – сокрушался барон. Эдуард Александрович помог и делу расследования убийства Царской семьи. Архив следователя Соколова вернулся в Россию взамен на семейный архив князя Лихтенштейна, вывезенный во время войны из Вены.

Одним из первых пожертвований барона в Украину была часть библиотеки Дягилева-Лифаря. Киевлянин Сергей Лифарь был другом Эдуарда Александровича. Одиннадцать писем Пушкина – самое ценное, что имел Лифарь в своём архиве рукописей. Все думают, что он получил это даром от Дягилева. Ничего подобного. Дягилев никакого завещания не оставил, он не собирался умирать.

*Неонилла Пасичник
дома у Александра Эдуардовича, 2005 г.*

чиновники всё испортили. Всё ценное он мечтал подарить России. Начал пробовать что-то возвращать: Пушкинскому дому передал дорожную 1820 года, выданную Пушкину, когда он отправлялся в южную ссылку. Дому-музею Чайковского в Клину – автограф композитора... Но никаких слов признательности не получил. И всё равно он готов был отдать своё уникальное собрание, автографы Пушкина, Лермонтова, а с ним поступали всегда очень грубо, не по-человечески. Не дали осуществить его мечту – поставить балет «Федра» в Большом театре. Даже, когда воспитанная им труппа Гранд Опера танцевала в «Большом» поставленные им балеты, ему, прославленному на весь мир балетмейстеру, было отказано во въездной визе. А он всё терпел. Настоящий христианин. Я считаю, что эти проклятые чиновники, которые не умеют себя вести с такими тонкими людьми, как Лифарь, испортили всё дело»... – сокрушался Эдуард Александрович. Те 11 писем Пушкина в конце 1980-х были приобретены через «Sotheby's» советским правительством за один миллион долларов и теперь хранятся в Пушкинском доме. А на вырученные средства создан Фонд помощи молодым артистам балета.

Чудак или юродивый?

Как и многих русских, европейцы считали барона чудачком. В какой-то степени – это то, что в Православии соответствует подвигу юродства. «Эдуард! У тебя не все дома, – говорили мне знакомые, узнав, что я реставрирую бывшую свою усадьбу «Аскания-Нова». Это же не твоя, а государственная собственность. Разве ты забыл, что всю вашу семью разорили, бабушку убили. Тебя лишили родины... Нет, ты просто «крэйзи». А я не обижаюсь и отвечаю им, что я сумасшедший. Не знаю, сочтут ли это юродством соотечественники. Деньги, которые я пожертвовал на реставрацию нашего дома в Гавриловке, развеяли по степи и ничего не построили... Но я снова и снова помогал Аскании-Нова. Церковь достроил. Нелегко так сразу навести порядок. 80 лет диктатуры – это слишком много. Нужно терпение. Ещё много плохого, но много и хорошего. Нельзя оглядываться назад. Пора перевернуть страницу истории и жить дальше. По-человечески. Я прав!?» – не то задавался вопросом, не то утверждал русский барон в немецком княжестве.

Во время моего визита к Эдуарду Александровичу мы договорились, что он проживет более 100 лет, а я создам из снятых материалов фильм, где будут развенчаны все мифы о нём и показана без прикрас достойная старость сильного человека – русского аристократа. Своё обещание барон выполнил! Он прожил бы ещё, если бы не этот крутой нрав Рюрикovichа по материнской линии. Даже в таком чемпионском возрасте, будучи прикованным к постели, он оставался один дома! Медсестра приходила днём всего лишь на 2,5 часа и вечером на 2 часа... Пожар случился в её отсутствие. Что хотел нам сказать Барон? В чём заключается его последнее послание? Напомнить о своей Новороссии, пылающей в огне Донбассе?

Выполнить моё обещание помешали трагические события на Украине, так напоминающие события 100-летней давности, свидетелем и жертвой коих был герой моего рассказа...

Светлая память Эдуарду Александровичу!

И всё его собрание попало в распоряжение правительства Франции. Хочешь что-то иметь – покупай. «Бедный Серёжа! Он беспрерывно танцевал, не зная отдыха, и думал о том, как бы не вывихнуть ногу. Тогда всё пропало, так как сроки платежа были очень жёсткими. Он мне говорил, что Дягилевские реликвии спас от распродажи, работая ногами. Сережа ни за что не хотел продавать письма Пушкина, хотя коллекционеры из Америки предлагали ему миллион долларов. А ведь он нуждался. Жить ему было трудно. И хотя его подруга графиня Лиллиан Алефельд была очень богата, Сережа ни в коем случае не хотел жить на её деньги. Но письма Пушкина он не продал. Берёг для России. А